

В. И. Орлов

ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ ПЕРВЫХ СБОРНИКОВ СТИХОВ ВЕНИАМИНА БЛАЖЕННОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА В РГАЛИ)

По материалам архива В. Блаженного в РГАЛИ восстанавливается история издания первых сборников поэта. Основой послужила переписка с А. Тарковским, Н. Панченко, Г. Кориним, принимавшими участие в издании первых книг В. Блаженного, а также рецензия белорусского поэта С. Гаврусева и письменный ответ на нее, отправленный В. Блаженным в редакцию издательства «Мастацкая літаратура». Фрагменты писем и комментарии к ним представлены в Приложении 2.

Ключевые слова: *фонд Вениамина Айзенштадта в Российском государственном архиве литературы и искусства; Николай Панченко; Арсений Тарковский.*

Эпистолярное, как и творческое, наследие Вениамина Блаженного (в миру Вениамина Михайловича Айзенштадта) опубликовано далеко не полностью. Тем не менее, даже уже опубликованную переписку можно и нужно рассматривать применительно к различным аспектам жизни и творческой судьбы поэта. В данной статье мы попытаемся проанализировать сквозь призму корпуса писем, хранящихся в РГАЛИ, процесс подготовки и публикации первых официально изданных сборников автора.

Арсений Тарковский писал Вениамину Айзенштадту в 1980 году: «Ваши стихи опять потрясли меня... Очень важная для людей книга получилась бы из ваших стихотворений; несомненно, всеобщее признание стало бы вашим уделом, но ничто из Ваших стихотворений, несмотря на все старания Гуттенберга, света не увидит — пока».

Действительно, представить себе книгу Айзенштадта, выпущенную в 1980 году, невозможно, — ведь даже первые журнальные публикации поэта появились только в начале 1980-х. Тем не менее, усилия многих людей, сочувствовавших Айзенштадту, привели к появлению в 1990 году сразу двух его поэтических книг — в Москве и Минске.

В. Блаженный писал стихи с 17 лет. Начиная с 1941 года составлял рукописные сборники; к 1948 году таких сборников, записанных характерным каллиграфическим почерком, набралось уже одиннадцать. Однако о публикациях не могло быть и речи: рифмованный разговор, — даже не разговор, а тяжба — с Богом не интересовал советские журналы. «Надзиратели из редакций последовательно советовали учиться у Маяковского и Исаковского» (из автобиографии Вениамина Айзенштадта).

Тогда он решил и поехал в Москву, к настоящим поэтам, в надежде, что они помогут издать хоть что-нибудь из написанного. Поэтическое братст-

во он видел как братство рыцарское, основанное на бескорыстной любви к поэзии и взаимопомощи. Однако реальность оказалась суровой. Небожитель Пастернак, чье имя для ВА было почти мифическим, сочувствовал, давал благожелательные советы, отметил четыре стихотворения (более, чем достаточно, для того чтобы Айзенштадт поверил в себя, как в поэта), помог деньгами, но не помог — и не мог в ту пору помочь — с книжкой.

В тот же приезд молодой поэт постоял под дверью у Сельвинского, но побеспокоить мэтра не решился, только написал письмо по возвращении в Минск. Сельвинский тоже признал в нем поэта, но ответил с последней прямоотой: «Будь Вы даже гений, я не стал бы ходить с вашими стихами по редакциям».

Григорий Дашевский в рецензии на посмертную книгу Блаженного писал о его стихах: «...когда в стихах мы действительно встречаем голую чужую психику, не косвенные признаки ее присутствия, не сдвиги и мерцание традиционных клише, а ее саму — то нам делается нехорошо. ... Этот опыт тягостен для нас не своей мучительностью, а своей подлинностью, в нем нет той невесомой, ненасильственной условности, которая собственно и делает искусство такой драгоценной — незаменимой — вещью» [1].

Эти слова в еще большей степени применимы к письмам В. Блаженного, которые, говоря современным языком, крайне токсичны. Общая их тональность — надрывная, с бесконечными жалобами на судьбу и здоровье — не способствовала длительной переписке. Безнаказанно жаловаться можно только Богу (и то, если повезет), бесконечные жалобы при общении с людьми рано или поздно вызывают отторжение. При всей симпатии к поэзии В. Блаженного, Виктор Шкловский советует ему: «Освободитесь от отчаяния»; «...оторвитесь от кладбища, выйдите из него...». Арсений Тарковский (сам будучи инвалидом) в одном из писем приводит ему в пример своего ученика, Марка Рихтермана, который, из-за болезни почек будучи годами прикован к аппарату гемодиализа, все-таки не позволял себе подобных жалостливых нот — ни в жизни, ни в поэзии. Айзенштадт совет проигнорировал, что привело к тому, что и Арсений Александрович непосредственное общение с ним в итоге переложил в основном на плечи своих учеников. При этом, как увидим ниже, помощь по существу, т. е. непосредственно в деле издания сборника, со стороны Тарковского была поистине неоценима.

Другие же адресаты зачастую замолкали после второго письма, а иногда не отвечали и на первое. Вениамин Михайлович даже составил перечень не ответивших ему поэтов по состоянию на начало 1985 года (в алфавитном порядке): Ахмадулина, Ваншенкин, Вегин, Жигулин, Левитанский, Озеров, Самойлов, Сикорский, Чухонцев. Характерна реакция почему-то не включенного в этот список Павла Антокольского на письмо В. Блаженного со вселенскими жалобами. «Никогда никому не пишите подобных писем», — написал он в ответ и прекратил с Айзенштадтом всяческие отношения. За что, в частности, и был припечатан В. Блаженным: «Этот сам никогда не был личностью и в других ее не торопился увидеть».

Несмотря на все эти неудачные попытки завязать переписку, давление пишущихся стихов сказывалось и тетради с новыми и старыми стихами стали рассылаться по второму кругу. Ответы из редакций были по-прежнему стандартны, надежды на публикацию не было, казалось бы, никакой. Так продолжалось до тех пор, пока повторное обращение к А. Тарковскому внезапно не произвело нужную реакцию: «Для меня — счастье, что Вы нашлись. У меня сохранились Ваши прежние стихи, но конверты с Вашим адресом исчезли: бумаги разбирал не я» (цит. по: [2, с. 4]). Именно Тарковский не ограничился декларацией о невозможности издания, а, напротив, принял максимально деятельное участие в судьбе поэта и публикации его книг. Как видно из писем, именно он не только гарантировал Айзенштадту «8–10 доброжелательных читателей» среди своих учеников, но и поддержал своим авторитетом и минский, и московский сборники, — что дает нам не только возможность, но и право рассматривать злключения обеих книг в одной статье.

А из доброжелательных читателей сформировалась группа поддержки в лице поэтов Николая Панченко, Григория Корина и его дочери, писательницы Елены Макаровой, которые озаботились непосредственным прохождением рукописи по издательским кругам ада. Заводилой в этой группе стал Г. Корин, который осенью 1981 года даже нанес визит в Минск, чтобы лично пообщаться с Вениамином Айзенштадтом, вывез оттуда множество стихов и сумел заразить ими Николая Панченко, который имел определенный вес в издательстве «Советский писатель». Видимо именно для того, чтобы увеличить шансы на прохождение книги, В. Айзенштадт в 1983 году снова посещает столицу, где Г. Корин даже знакомит его с одним из редакторов «Советского писателя» В. Фогельсоном, у которого, как ожидалось, окажется рукопись после включения в план. К сожалению, несмотря на две положительные внутренние рецензии (самого Н. Панченко и А. Тарковского, не забывавшего своих обещаний), проект книги, насколько можно понять, даже не был рассмотрен редсоветом издательства.

Среди причин того, что подготовленный сборник оказался затерян или просто «забыт» при переходе от одной издательской инстанции к другой, можно с достаточной долей уверенности назвать общее ужесточение климата после прихода к власти Юрия Андропова. Таким образом, спустя три года после того, как зародилась надежда на издание, В. Айзенштадт с горечью констатировал, что и эта попытка окончилась неудачей.

Естественно, автор, сборник которого был отклонен в Москве, не мог быть издан в Минске, так что неудача вышла двойная. Впрочем, какой-то сдвиг в отношении редакций к творчеству поэта все же произошел: три стихотворения появились в московском «Дне поэзии-82», состоялась публикация в минском журнале «Неман».

С журнальных публикаций спустя несколько лет началось и движение в сторону новой попытки издать книгу. Характерна тональность писем В. Айзенштадта в период подготовки публикации подборки в «Новом мире»: от пол-

ного неверия (используются такие словосочетания, как «пытка надеждой» и «отчаяние собаки») к благодарности сквозь зубы («горькая радость» и пр.), скатывающейся в полное уныние, поскольку, по мнению автора, ничего в убогом его житье-бытье не изменилось и после того, как стихи увидели свет. К сожалению, подобным же образом позже будут оценены хлопоты людей, благодаря которым свет увидели минский и московский сборники.

После трехлетней паузы, с началом перемен в обществе, оживают и надежды на издание книги. Обошлось даже без рекомендованного Г. Кориним обращения непосредственно в ЦК. В феврале 1988 книгу Айзенштадта (под придуманным Г. Кориним псевдонимом Блаженных) благодаря усилиям Н. Панченко включают в план издательства «Советский писатель» на 1990 год. После этого зашевелились и в Минске: несмотря на разгромную рецензию С. Гаврусева (см. *Приложение 2*) издательство «Мастацкая літэратура» тоже решилось напечатать сборник, причем под настоящей фамилией поэта.

Такой разнобой, заметный уже на уровне указания авторства, объясняется дистанцированием самого автора от процесса подготовки книг. Задним числом он будет жаловаться в письмах, что его не извещали об окончательном составе сданных в производство книг, не присылали гранок и т. д., что в итоге сказалось на качестве изданных сборников. Однако, если разобраться, Вениамин Михайлович здесь лукавит. Минский сборник он называет «худосочным», сваливая основную вину за это на Наума Кислика, отбиравшего стихи восемь лет назад. При этом в одном из писем В. Айзенштадт проговаривается, что сумел дополнить изданную книгу «несколькими другими дорогами для меня стихами» — то есть все-таки был оповещен о ее составе и участвовал в утверждении окончательного варианта, тем самым, как минимум, разделив ответственность за «худосочность» с Н. Кисликом.

Что касается московского издания — то поэт неоднократно подтверждал в письмах к готовящему сборник Николаю Панченко, что всецело доверяет ему в смысле отбора стихотворений; на письмо же Г. Корина, в котором тот сообщает, что вынужден был внести некоторые исправления в текст стихотворений, не отвечает вовсе, а молчание, как известно, знак согласия. Зато после того, как московская книга вышла, он высказывает Г. Корину мало чем обоснованные претензии и даже позволяет себе стихотворные выпады против человека, которого ранее называл братом по духу.

На недостатки стихотворной техники В. Блаженному указывали буквально все его корреспонденты: «...Многие строфы оскорблены рифмами, которые всецело чужды Вашей поэзии» (А. Межиров); «...я заметил кое-какие погрешности, в основном в стихотворной технике...» (А. Кушнер) (цит. по: [2, с. 4]). Как свидетельствует Е. Макарова, Семен Липкин и Инна Лиснянская при личной встрече с В. Айзенштадтом тоже говорили о неточных рифмах и целых неудачных строфах. Сам Г. Корин с самого начала их переписки прямо высказывался о недостатках в стихосложении (см. *Приложение 2*; первое же письмо в разделе

«Письма»). В. Айзенштадт в ответ на это обычно замечал, что он поэзии не учился, она его сама «призвала», в силу чего он готов признать отдельные недочеты, но править однажды написанное не в состоянии. Поэтому «устранение недостатков» — особенно на фоне молчания, т. е. отсутствия возражений со стороны автора — Г. Корин счел не только необходимым, но и оправданным.

После получения авторских экземпляров В. Блаженный, будучи раздражен редактурой, практически сворачивает переписку с Г. Кориным. Николай Панченко же, переключившись на другие проекты и сам испытывая проблемы со здоровьем, после того как в начале 1991 года пишет В. Айзенштадту рекомендацию для вступления в Союз писателей, считает свою задачу выполненной и более не находит времени для дальнейшего общения. Для своих минских доброжелателей, которые со своими далеко не безграничными возможностями пробили-таки сборник «Слух сердца», В. Айзенштадт не находит вообще никаких теплых слов: «Считаю сборник своим в той же мере, как признал бы своими короткие школьные штанишки...»; немудрено, что он по-прежнему остается в изоляции и в родном городе. На такой, не самой приятной для всех участников ноте, заканчивается история издания первых книг Вениамина Блаженного.

Между тем издание сразу двух сборников, в которые вошло в общей сложности более 200 стихотворений, для ранее почти не печатавшегося поэта в 1990 году было неслыханной удачей. Многие другие представители неподцензурной литературы (Ян Сатуновский, например) к этому моменту сборников, изданных на родине, вообще не имели. Да, всеобщее признание, о котором писал А. Тарковский, не стало уделом поэта — в том виде, в каком оно представлялось тогда, в 1980 году, — но открытие мира стихов Вениамина Блаженного и признание его таланта со стороны той части публики, которая всегда интересовалась истинной поэзией, состоялось и более не могло быть отменено.

Все публикуемые материалы¹ находятся в РГАЛИ, ф. 3144; некоторые в копиях, переписанных рукой В. Айзенштадта. Часть писем (помечены звездочкой) ранее публиковалась Е. Макаровой по имеющимся у нее оригиналам. Письма публикуются в отрывках, имеющих отношение к журнальным и книжным публикациям В. Айзенштадта, остальное, как правило, опущено, включая обращения и заключительные фразы писем. Поскольку в переписке использовалась настоящая фамилия поэта, а не псевдоним, мы везде сохраняем ее.

Библиографические ссылки

1. Дашевский Г. «Не зовите стихами мои иступленные строчки»: О поэзии Вениамина Блаженного // Коммерсантъ-Weekend. 2009. № 11 (107). 27 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1142098>.

2. Такая жизнь: свободное творчество: журнал. Минск : Экспериментальные мастерские «Такая жизнь» Виноград, 1995.

¹ В Приложении 2. *Примеч. составителя.*